

Усталость и страх подступали ближе, сдавливали грудину — на последнем шаге Баки не заметил торчащие из земли черные спинки берёзовых корней и, наконец, запнулся и снова упал. Не столько больно — сколько обидно, впечатавшись боком и щекой в жирную весеннюю грязь. Отплювался, кое-как оттер глаз и решил, что раз все одно упал — так посидит и отдохнёт как следует. Сил подниматься и идти дальше не было. Страшно хотелось пить и... почувствовать хоть кого-то рядом. Зря он прогнал Хъялги... Хотя бы крутился под ногами да вёл его своим волчьим нюхом к дому. Только что теперь горевать, сделанного не воротишь.

Чуть впереди треснула ветка. Потом ещё и ещё, и за стволами замелькали чьи-то тени, напролом кустов прущие к нему. Баки замер только на миг — собраться с мыслями. Отложил ветку-помогайку, достал из ножен нож. Приготовился.

Волчата радостно кинулись на него, и он едва успел убрать руку с ножом подальше. Хмага тепло и мокро лизнула по лицу, шее, то ли радуясь, то ли пытаясь отмыть его от грязи. Хъялги покрутился и, не давшись в руку, снова скрылся в орешнике. Баки обнял Хмагу и прижал вертлявое тельце к себе. Сердце стучало быстро-быстро, рот сам собой растянулся от уха до уха. Нашли. Нашли его, не оставили. Где же Стив?

Тот появился вместе с Хъялги, и рука его была замотана тряпицей — только когда подошёл совсем близко, Баки понял, что это тот самый оторванный подол рубахи с его кровью. Друид рухнул перед ним на колени, схватил руками с двух сторон головы, заглянул в глаза. Лицо у него было бело-серое, перепуганное, и совсем прозрачные льдинки-зрачки.

— Живой... Я думал, тебя медведь подрал. А ты живой!

— Живой, живой, — тихо выдохнул Баки и притянул друида к себе. Прижал головой к плечу, чтобы успокоить — а на деле чтобы самому успокоиться. — С ногой только что-то. Не могу идти. Упал в козьем овраге неудачно.

Стив тут же выбрался из объятий, оттолкнулся руками и принялся щупать ногу — по отёкшему виду сразу понял, какая, на царапину на бедре даже внимания не обратил.

— Надо идти до берлоги, — коротко и сухо сказал он. — Там травы и полотнище, я сделаю нужное снадобье.

— Значит, пойдем, — кивнул Баки. Страх и усталость, даже боль позабылись от одного взгляда глаза в глаза, от одного его вида. Стив только вздохнул, покачав головой. Выглядел он чересчур серьезно, а Баки поперек тянуло улыбаться.

С горем пополам подняли его на ноги, палку Баки не оставил — держал в руке, опирался. Стив же поднырнул под огрызок плеча, обнял за пояс, и хват его чувствовался сильно и тепло, надёжно. Так они и пошли, медленно, неуклюже качаясь из стороны в сторону. Волчата забегали вперёд и возвращались, вели их к берлоге. До которой, к удивлению Баки, оказалось рукой подать. Просто он раньше этой стороной леса не ходил и не возвращался, вот и запутался, ослеп от боли.

На поляне все было так же, как и утром. Натоптано сильно, где Баки красовался, танцевал с топором. Очаг ещё тлел, исходя дымком. Они ввалились в берлогу, едва не сорвав полог. Баки сам заполз на свою шкуру и, глубоко вздохнув, медленно выдохнул. Как же хорошо, спокойно. Нога ныла и болела так же сильно, распухла почти вдвое, но сейчас Баки чувствовал себя совершенно замечательно — дома, под присмотром и заботой, которая расползалась от друида тёплыми волнами.

Он сразу засуетился, подкинул поленьев в очаг, принес горящих углей с улицы, загремел глиняными горшками, зашуршал травами — Баки наблюдал за ним из-под опущенных ресниц, прикрыв глаза.

Воздух запах терпко и чуть горько, и это выгнало волчат на улицу, запах им явно не нравился. Стив сел рядом и отер ему мокрой тряпицей лицо, шею, руку, перешёл к бедрам ногам. Пока развязывал намотки, Баки лежал и млел от войска мурашек, что перебегали туда-сюда по его коже от прохладных прикосновений. Даже свежая волна боли, что омыла его, когда Стив освободил опухшую щиколотку от намотанной кожи, не отвлекла от удовольствия этих прикосновений. Стив касался осторожно и трепетно, порой больно, порой незаметно, но когда Баки почувствовал, что кровь начинает приливать к паху, посильнее прикусил себе губу и застонал.

— Больно, знаю, — тихо подтвердил Стив. — Не сломал, но сильно растянул, ещё и наступал... Это даже хуже, чем сломать... До следующего полнолуния не ходить тебе в лес, — сказал, как отрезал, и отвернулся, что-то мешая в своем горшке. Баки, готовый поспорить, не решился открыть рот. Зачем сердить своего ведуна? Пусть делает, что надобно, а там разберутся.

Потом друид принес мокрые ледяные тряпки и обложил ими опухшее место. Менял их, нагревшиеся от тепла тела, несколько раз, а тем временем что-то помешивал дурнопахнущее в горшочке, подсыпая те и другие травы. Запах с едко-горького вдруг сменился приятным, еловым, и Баки с удовольствием втянул его носом.

Кивнув сам себе, друид снял горшок с углей и намазал бурую кашу на мокрую холстину.

— Сейчас остынет, и замотаю ногу. Завтра сменим, посмотрим, не сойдёт ли отёк.

Баки кивнул. Потянулся за рукой Стива и, перемазанную в чём-то, грязную, взял в свою руку, притянул к губам и благодарно поцеловал.

— Курочку бы ощипать, да в угли, пока не прогорели, — мечтательно протянул Баки.

Стив тихо хмыкнул и мягко высвободил свои пальцы:

— Я забыл её подвесить выше. Волчата уже не дали ей пропасть. Ну, хоть заяц остался. Хороший заяц, на пару дней хватит.

Баки выругался, а потом рассмеялся. Неразумное зверьё. Но любимое.

— Надо же ещё крупы выменять, — Баки сухо сглотнул, потому что Стив принялся от больной лодыжки касаться выше, то ли разминая ногу, то ли ощупывая, то ли решив убить его без ножа. Забытое желание вскипало ключом от каждого касания, что друид оставлял все выше и выше, пока не добрался колена и пореза, что Баки нанёс сам себе... Погладил ранку так нежно, что член сразу встал, как копьё, оттопорщив складку килта. Друид словно и не замечал этого, ни хрипа Баки, забираясь руками выше под подол ткани, разминая сведённые судорогой удовольствия мышцы. Наконец, прикусив губу, Стив резким движением откинул ткань килта Баки на живот и посмотрел в глаза.

Баки весь был сейчас как на ладони — густо волосатый лобок и налитой член с тяжёлыми яйцами. Стив словно боялся смотреть вниз, а Баки, все это время стоящий на локте, от взгляда друида совсем сгорел — упал назад, на шкуры, и простонал:

— Это все из-за тебя. Потому что ты трогаешь. Ни боли не чувствую, ничего, только как ты трогаешь. Больше жизни тебя хочу, — прошептал Баки. — Весь я — для тебя. Что хочешь со мной делай. Хочешь, режь, хочешь, шей. Только не оставляй.

Баки почувствовал вдруг, как на член легла прохладная ладонь. Тут же поймал её в свою руку, накрыл сверху и сжал покрепче, невольно толкнувшись в тесноту.

Стив тут же вырвался из хватки, но Баки уж распахнул глаза и увидел: закушенную губу, горящие щёки и пылающие уши друида. Глаза, недавно светлые и льдистые, налились темной синевой неба.

— Сколько ты будешь бояться? — глухо спросил Баки, не ожидая ответа.

Друид принялся заматывать ногу холстинами с остывшей мазью. Его руки чуть дрожали, он старался не смотреть вверх, где Баки ладонью прикрыл стоящую плоть.

— Я не боюсь, — сказал он вдруг, остановившись. — Я не могу.

<http://erolate.com/book/3459/83648>